

Из рачнего творчества Александра Вампилова

МОЯ ЛЮБОВЬ

Пять лет назад на перроне маленькой станции я прощался с любимой девушкой. Мне было тогда восемнадцать лет, и я ехал в город учиться. Единственный пассажирский поезд останавливался на этой станции глубокой ночью. И это было так кстати. Мы сидели на моем громоздком чемодане и говорили о будущем. О том, что мы будем любить друг друга всю жизнь, что я буду приезжать, что в разлуке будем писать письма, а через пять лет, окончив институт, я вернусь в наше село, и мы будем вместе. Повторю, мне было тогда восемнадцать лет, и все то, что мы друг другу обещали, казалось мне нашим будущим.

Начиная со школьного возраста, я постоянно был в кого-нибудь влюблен. Когда из шестого класса уехала вдруг соседка по парте, я впал в задумчивость и остался в шестом классе на второй год. Потом я последовательно был влюблен в преподавательницу истории, пионервожатую и в двух своих одноклассниц. По-настоящему я влюбился только тогда, как пришло время. Это была Вера, та самая девушка, которая, не спросившись дома, ночью ушла на станцию провожать меня.

Ей оставалось учиться в школе еще год, она собиралась стать учительницей и через пять лет непременно работать в своей школе.

О том, что мы друг друга любим, мы говорили тогда первый раз и говорили потому, что мы расставались. Пришел поезд. Мы поцеловались, и Вера заплакала, уткнувшись головой в мое плечо и всхлиывая совсем как моя десятилетняя сестренка. Я взял ее за плечи, поднял голову и долго смотрел ей в лицо. Прямые светлые волосы, нос чуть больше и чуть в веснушках, мокрые серые глаза, жалкая улыбка... Я не знал тогда, красива ли она.

Поезд тронулся. Я поцеловал Веру еще раз, вскочил в тамбур, вошел в вагон, сел ли-

цом к окну и просидел так всю ночь. «Ты не забудешь меня!» — вспоминались мне ее слова и лицо. Она повторяла это несколько раз, и трудно было понять, кого она убеждала в том, что я ее не забуду — себя или меня. Разве можно забыть! — думал я в отчаянии...

И забыл. Забыл легко и быстро. Я попал в компанию веселую, шумную и безалаберную. Институт мне показался большим скоплением бойких молодых людей и легкомысленных девушек, у меня закружилась голова, и уже через две недели было назначено свидание с некоей Лидой. Лиды в самом деле оказалась такой легкомысленной, что в нее трудно было как следует влюбиться за модой. Одним словом, в разные стороны, шутя поменялись. Потом была Эля, потом ее подруга Катя.

Я изменился. Завел себе усилушнички, выучился танцевать и, выбиваясь из своих студенческих возможностей, воленичая за модой. Одним словом, внешне я сделался то, что называется стилига. Вообще-то я уверен, что стилига никаких нет. Есть модники, шалопаи, жулики, нахалы, есть мальчики, которым нестерпимо быть взрослыми и быть мужчинами, а стилига нет. Отрицание авторитетов, желание пожить в свое удовольствие, перепродажа модных вещей — все это конечно, не оригинально, не ново, и сводится в конце концов к мелкому хулиганству. А все эти ценители и коллекционеры плохой эстрадной музыки, разные Бобы Бондаренко и Жюны Сапожниковы — это же только смешно и пошло. Впрочем, многие из поклонников гнусного саксофона в восторге от этой музыки и не признают никакой только потому, что спекулируют ею по воскресным дням на толкучке.

Конечно, я далек от увлечения напоминать собой ловеласа, но меня все это тогда забавляло, а главное, это нра-

вилось девушкам, которым хотел нравиться, я. Шутя и посмеиваясь, я знакомился и забывал свои знакомства четыре года. Бывало сижу где-нибудь в саду, жду девушку и скучаю. И мне нравилось, что я скучаю, что я могу встать и уйти, не дождавшись этой девушки, а завтра назначить здесь же свидание кому-нибудь другому. Мне нравилось интриговать, водить за нос, пускаться в рискованные приключения и выходить из воды сухим и со свободным сердцем.

Кончилась моя учеба в институте. Товарищи мои почти все пережились и стали мне уже не товарищи. Я по-прежнему балансировал между флиртом и низкопробными романами и был доволен собой. И вдруг мне стало грустно и беспокойно. Я сделался задумчив, все чаще уклонялся от выпивок и стал уединяться. Как-то я вспомнил Веру, но вспомнил с грустной усмешкой, как что-то трогательное, смешное и безвозвратное. Скука взялась за меня основательно, и я решил жениться.

Я бросил свои ловеласовские повадки и стал ухаживать за Лизой, строгой, умной и милой девушкой, с которой познакомился в театре. Лиза была красива, я привык к ней, и иногда мне казалось, что я люблю ее, но я чувствовал, что в то же самое время готов к чему-нибудь новому. Через полгода у нас было все решено: я кончу институт, и мы поженимся. Лиза кончала музыкальное училище, но со мной собиралась ехать куда угодно.

И вот я получил диплом агронома и назначение, разумеется в село. Направление оказалось именно в то село, откуда я уехал пять лет назад. Лиза еще давала экзамены, и устраиваться я поехал один.

Ночью в вагоне мне не спалось. За окном набегали и исчезали огни станции и мелькали встречные поезда. Я сел у

окна и раздумался. Ма вокзал меня провожала Лиза, но мне не было грустно от того, что мы расстаемся. «Я не люблю ее» — подумал я. Потом я вспоминал своих прежних знакомых, и, странное дело, ни одну из них я не мог вспомнить как следует, я не мог ясно представить ни одного лица, ни одного значительного слова, ни одного запоминающегося пустяка. И я понял, что молодость моя проходит мимо счастья — мимо тех радостей и печалей, которые дает человеку одна любовь. «Как известно», — подумал я, — для души и сердца прошли за эти пять лет... «И я вдруг ясно вспомнил свой отъезд в город, маленькую станцию, Веру и ее милое, заплаканное лицо. «Как было хорошо, и как все это сейчас далеко от меня... Где теперь Вера? Если бы люди выполняли все свои обещания и клятвы, то она должна сейчас ждать меня в том селе», — я усмехнулся и, опустив голову на руки стал засыпать. Был звонкий майский полдень, я спустился с железнодорожной насыпи и пошел к селу маленькой черной тропинкой. Кругом было столько света, воздуха и зелени, было так хорошо, что хотелось упасть в высокую траву и пролежать в ней как можно дольше, ни о чем не думая; ничего не вспоминая.

Я прошел половину улицы села, никто мне не попадался. И только у другого конца улицы двери нового двухэтажного дома вдруг распахнулись и оттуда вырвался целый ручей белоглазых ребятишек. Я остановился и смотрел на них, пока они не выбежали из школы все и их радостный галдеж не удалится по обе стороны улицы. Потом из школы вышла девушка, легко сбежала по белым ступенькам и быстро пошла в мою сторону. Неожиданность, растерянность, радость — все, что я испы-

тал в эту минуту, можно только испытать и совсем невозможно представить. Это была Вера. Она остановилась передо мной, долго на меня смотрела и, проговорив: «Ты не забыл меня», — бросилась ко мне на грудь. Вот и все.

Потом мы бродили за селом по лугу, пили шампанское в ее квартире, и, когда она была на уроках я с нетерпением ждал ее в шумной учительской. Я смотрел на нее, слушал ее голос, и казалось диким, что не смог полюбить ни Лизу, ни всех остальных, которые будто причудились мне в плохом сне только потому, что все они не похожи на Веру, и потому, что любил я всегда только одну ее. Я не оспариваю ни опыта, ни мудрости, ни правоты тех, кто утверждает, что любовь к одному человеку не может быть непрерывной и беспредельной, но я твердо убежден, что моей единственной любви хватит на всю мою жизнь. Мне стыдно, я так виноват перед Верой, перед своей любовью. Но Вере я ничего не рассказывал. Я боюсь оскорбить нашу любовь, и я прощаю себе эту трусость. Моя любовь искупает мою вину.

Я едва смог поехать в город, чтобы объясниться с Лизой, которая уже собиралась ко мне приехать. Входя в ее дом я услышал фортепьяно. Лиза играла Шопена. Я вошел в комнату. Она сидела ко мне спиной и не заметила моего прихода. Я тихо уселся у двери и стал слушать. Раньше я не любил Шопена, его музыку я считал слишком сложной и сентиментальной. Но теперь я был заморожен. И тут, слушая

Лизу, я думал о Вере и о своей любви. И мне казалось, что это тонкое и глубокое чувство, которым жила и входила в душу музыка, — мое чувство, и мне вдруг захотелось видеть Веру и говорить ей что-нибудь красивое, нежное. Лиза кончила, мы поздоровались и я объяснился. В тот же день я уехал. Лиза любила меня, и я оставил ее в ужасном состоянии. Не знаю, прав ли я. Знаю только, что я счастлив.

22.08.92

Вампилов А.